UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00322873 1

Briusov, Valerii IAkovlevich
Poslednie mechty

PG
3453
B7P6

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

ОСЛЕДНИЕ МЕЧТЫ

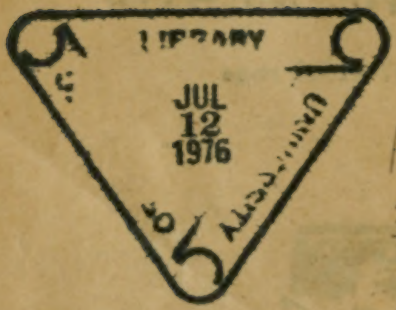
Книгоиздательство „Творчество“
Москва.

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

ПОСЛЕДНИЕ МЕЧТЫ

Лирика 1917—1919 года

МОСКВА
MCMXX



PG
3453
B7P6

Тип. «Продпуть». Москва, Серебрянческ. наб., д. 23а.

ОТ АВТОРА.

Пометив в подзаголовке: «Лирика 1917—1919 года», автор желал указать, что в этой книге собраны только лирические стихотворения. Ряд «поэм» («Египетские ночи», «Симфония 1-ая», «Любовь и Смерть») и два «венка сонетов», написанные автором за тот же период времени, не нашли себе места в сборнике, равно как и стихи по вопросам общественным, отзывы на современность, печатавшиеся автором за эти годы в разных газетах и журналах. Правда, современность,—слишком властная в наши дни,— не могла не проникнуть и в чистую лирику, но эти намеки и отзвуки, конечно, далеко не все, что автор пытался осознать в стихах из великих явлений, сменявшихся одно другим пред его глазами.

Остается добавить, обращаясь к тем читателям, которые раньше интересовались стихами, подписанными тем же именем, что предлагаемый сборник отделен от вышедшего в 1915 г., под заглавием «Семь цветов радуги», целой книгой, в печати еще не появлявшейся: «Девятая Камена». По обстоятельствам нашего времени, эта книга, вполне приготовленная к печати еще в 1917 г. (и набранная в одной петроградской типографии в 1918 г.), поныне еще остается в рукописи; только небольшая часть стихов, образующих эту книгу, была напечатана в сборнике «Опыты», М. 1918 г., а 3-4 стихотворения,—по сродству тем с другими,—включены в «Последние Мечты».

Июль 1919 г.

Валерий Брюсов.

I. Душа истаивает..

В ГОРНЕМ СВЕТЕ.

Я сознаю, что постепенно
Душа истаивает. Мгла
Ложится в ней. Но, неизменно,
Мечта свободная—светла!

Бывало жизнь мутили страсти,
Как черный вихрь морскую гладь,
Я, у враждебных чувств во власти,
То жаждал мстить, то мог рыдать.

Но, как орел в горах Кавказа,
За кругом круг, уходит в высь,
Чтоб скрыться от людского глаза,
Желанья выше вознеслись

Я больше дольних смут не вижу,
Ничьих восторгов не делю;
Я никого не ненавижу
И,—страшно мыслить,—не люблю!

Но, с высоты полета,—бездны
Открыты мне былых веков:
Судьбы мне внятен ход железный
И вопль умолкших голосов;

Прошедшее, как дно морское,
Узором стелется вдали;
Там баснословных дней герои
Идут, как строем корабли.

Вникая в смысл тысячелетий,
В заветы пре́зренных наук,
Я словно слышу, в горнем свете,
Планетных сфер певучий звук;

И, прежнему призванью верен,
Тот звук переливаю в стих,
Чтоб он, отчетлив и размерен,
Пел правду новых снов моих!

1918.

ПРОРОЧЕСТВА ВЕСНЫ.

В дни отрочества, я пророчествам
Весны восторженно внимал:
За первым праздничным подснежником,
Блажен пьянящим одиночеством,
В лесу, еще сыром, блуждал.

Как арка, небо над мятежником,
Синело майской глубиной,
И в каждом шорохе и шелесте,
Ступая вольно по валежникам,
Я слышал голос над собой:

Все пело, полно внешней прелести:
„Живи! люби! иди вперед!
Ищи борьбы, душа крылатая,
И как Самсон из львиной челюсти,
Добудь из грозной жизни—мед!"

И вновь весна, но—сорок пятая...
Все тот же вешний блеск вокруг:
Все так же глубь небес—божественна;
Все та ж листва, никем не смятая;
Как прежде свеж и зелен луг!

Весна во всем осталась девственной:
Что для земли десятки лет!
Лишь я принес тоску печальную
На праздник радости естественной,—
Лишь я—иной, под гнетом лет!

Что ж! Пусть не мед, а горечь тайную
Собрал я в чашу бытия!
Сквозь боль души, весну приветствую,
И на призыв земли ответствую,
Как прежде, светлой песней я!

1918.

ПРИ СВЕТЕ ЛУНЫ.

Как всплывает алый щит над морем,
Издавна знакомый лунный щит.
Юность жизни, с радостью и горем
Давних лет, над памятью стоит.

Море—змеи светом гибким жалят
И, сплетясь, уходят в глубь, на дно;
Память снова нежат и печалят
Дни и сны, изжитые давно.

Сколько ликов манят зноем ласки,
Сколько сцен, томящих вздохом грудь!
Словно взор склонен к страницам сказки,
И мечта с Синдбабом держит путь.

Жжет еще огонь былой отравы,
Мучит стыд неосторожных слов;
Улыбаюсь детской жажде славы,
Клеветам забытых мной врагов...

Но не жаль всех пережитых бредней,
Дерзких дум и гибельных страстей:
Все мечты приемлю до последней,—
Каждый стон и стих, как мать—детей.

Лучший жребий взял и в мире этом:
Тайн искать в познаньи и любви,
Быть мечтателем и быть поэтом,
Признавать один завет: „Живи!"

И, начнись все вновь, я вновь прошел бы
Те ж дороги, жизнь—за мигом миг:
Верил бы улыбкам, бросив колбы,
Рвался б из объятий к пыли книг!

Шел бы к мукам вновь, большим и малым,
Чтоб всегда лишь дрожью дорожить,
Чтоб стоять, как здесь я жду,—усталым,
Но готовым вновь—страдать и жить!

3 янв. 1918.

Пора бы жизнь осмыслить, подытожить.
Уже в былом—сороковой порог,
И, если дни на счет годов помножить,
Пятнадцать тысяч превзойдет итог.
Но эти тысячи, порой несчастных,
Порой счастливых, пережитых дней,—
Как ожерелья—белых, синих, красных,
Зеленых, желтых, всех цветов огней!
И эти бусы жгут и давят шею,
По телу разливают смертный яд.
Я погасить их пламя не умею,
И в ночь и днем они меня язвят...
Какие камни сбросить мне? Не вас ли,
Рубины алые, где тлеет страсть?
Беру их в руку... Но давно погасли,
Как жемчуга, они. За что ж их клясть?
Так вас, быть может, жаркие алмазы,
Вас, тайные, преступные мечты?
Нет! В ясном свете вы—слепые стразы,
Обманный блеск поддельной красоты!
Так вас тогда, глубокие опалы,
Воспоминанья скорби и могил?
Нет, нет! И вы цветок уже завялый,
И ваш огонь стал мертвым и остыл.
А вы, исканья Бога—аметисты,
И вы, сапфиры вдумчивых стихов!
Сверкал из вас, в былом, огонь лучистый,
Но вы, теперь - лишь груз холодных слов!
Так что ж горит? Вы, скромные агаты?
Ты, нежная, святая бирюза?
Ты, гиацинт?—случайные утраты,
Мелькнувшие в вечерней мгле глаза.
Сны не довиденные, встреч мгновенных,
Губ не долсканных прощальный суд?
Что жжет еще меж зерен драгоценных?
Смарагд, топаз, лалл, оникс, изумруд?
Всмотрюсь,—и блеснет блеск великолепий.
На белых нитях—только тусклый груз...
Но эти нити сжали жизнь, как цепи
Палят, как угли, сочетанья бус!

И жаль порвать уборы ожерелий:
Палим, любуюсь ими я в тиши...
Пусть каждый камень—мертв, они горели,
Горят и ныне—факелом души!

1917.

УЧЕНИК ОРФЕЯ.

Я всюду цепи строф лелеял,
Я ветру вслух твердил стихи,
Чтоб он в степи их, взвил, развеял.
Где спят, снам веря, пастухи;
Просил у эхо рифм ответных,
В ущельях гор, в тиши яйлы;
Искал черед венков сонетных
В прибое, бьющем в мол валы;
Ловил в немолчном шуме моря
Метр тех своих живых баллад,
Где ласку счастья, жгучесть горя
Вложить в античный миф был рад;
В столичном грозном гуле, тоже,
Когда гремя, звеня, стуча,
Играет город в жизнь, прохожий,
Я брел, напев стихов шепча;
Гудки авто, звонки трамвая,
Стук, топот, ропот, бег колес,-
В поэме страсти, в песни мая
Вливали смутный лепет грез.
Все звуки жизни и природы
Я облекать в размер привык:
Плеск речек, гром, свист непогоды,
Треск ружей, баррикадный крик,
Везде я шел, незримо лиру
Держа, и властью струн храним,
Свой новый гимн готовя миру,
Но сам богат и счастлив им.
Орфей, сын бога, мой учитель,
Меж тигров так когда-то пел...
Я с песней в Адову обитель,
Как он сошел бы, горд и смел.

Но диким криком гимн Менады
Покрыли, сбили лавр венца;
Взвив тирсы, рвали без пощады
Грудь, в Ад сходившаго певца.
Так мне ль осилить взвизг трамвайный,
Вопль моторов, рев толп людских.
Жду, на какой строфе случайной
Я, с жизнью, оборву свой стих!

1918.

СОРОК ПЯТЫЙ РАЗ.

Весенней ночью встречу звон пасхальный
Я сорок пятый раз...
И вот мечта, вскрывая сумрак дальний
Лепечет свой рассказ.
Об том, как в детстве золотились нежно
Все праздничные дни;
Как в юности огнем любви мятежно
Томили дух они;
Как позже, злобно нападали змеи
Безумства и страстей,
В весенний праздник выползая злее
Со всех моих путей...
Вновь вижу: двое, в звоне колокольном,
Укрылись в темноту,
А на окне, пред взором богомольным
Ветвь яблони в цвету...
Вновь вижу поле дальнее...; ракета,
Взлетя, прожгла эфир...
И с перезвоном робким слился где-то
Рев пушек и мортир.
Вновь вижу ночь семнадцатого года.
Прекрасна и светла;
Толпу пасхальную ведет Свобода,
Раскинув два крыла...
Что-ж принесет мне праздник сорок пятый?
О если-б глубь небес
Родному краю крикнула трикраты:
„Воистину Воскрес!"

1918.

О СЕБЕ САМОМ *).

Хвала вам, девять каменам!
Пушкин.

Когда мечты любви томили
Ребенка, он, впивая их,
Влил в дерзкой книге „Ювенилий",
Свой ранний опыт в робкий стих.

И сны искусств мечтам предстали:
Японский штрих, французский севр,
Веков, в огне багряном, дали,—
И создал твердый стих „Chefs d' Œuvre".

И трепет неземных предчувствий
Средь книг и беглых встреч тая,
Я крылий снам искал в искусстве,
И назвал книгу: „Это—я".

Но час настал для „Третьей Стражи".
Я, в шуме улиц, понял власть
Встающих в городе миражей,
Твоих, звенящих, зовов, страсть.

Изведав мглы блаженств и скорби,
Победы пьяность, смертный страх,
Я мог надменно „Urbi et Orbi"
Петь гимн в торжественных стихах.

Когда ж в великих катастрофах
Наш край дрожал, и кликал Рок;—
Венчая жизнь в певучих строфах,
Я на себя взложил „Венок".

Впервые юноши и девы
Приветом встретили певца,
И он слагал им „Все напевы",
Пленяя, тайной слов, сердца.

---

*) Автор последовательно издавал сборники стихов под заглавиями: „Juvenilia". „Chefs d'Oeuvre" „Me eum esse" (Это—я), „Tertia Vigilia" (Третья Стража). „Urbi et Orbi", (Граду и миру). „Stephanos" (Венок). „Все напевы", „Зеркало Теней", „Семь Цветов Радуги". „Девятая Камена".

Но зорким взором и спокойно,
Я озарил сцепленья дней,
Чтоб пред людьми, в оправе стройной,
Поставить „Зеркало Теней".

И ждал себе одной награды,—
Предаться вновь влеченью сновь,
И славить мира все услады,
И „Радуги" все „семь цветов"!

Но гром гремит. Молчат—измена,
До дна взволнован мой народ...
Ужель „Девятая Камена"
Победных песен не споет?

А вслед? Конец ли долгим сменам?
Предел блужданьям стольких лет?
„Хвала вам, девяти каменам!"
Но путь укажет Мусагет!

1917.

ГРЕБЕНЬ ВОЛНЫ.

Мы были гребень волны вознесенной...
Но белой пеной окроплены,
Мы разрастались утомленно
Как мертвый плат живой волны.

Мы исчезаем... Нас поглощает
Волна другая, чтоб миг блестеть,
И солнце зыби поглощает
Волн, приходящих умереть.

Я—капля в море! Назад отринут,
Кружусь в просторе,—но не исчез.
И буду брызг снова вскинут
Под вечным куполом небес!

II Жить на воле...

ЗОВ АВТОМОБИЛЯ.

Призыв протяжный и двух-нотный
Автомобильного гудка...
И снова манит безотчетно
К далеким странствиям—тоска.

То лесом, то в полях открытых
Лететь, бросая версты вспять;
У станций старых, позабытых,
Раскинув лагерь, отдыхать!

Когда в дороге лопнет шина,
Стоять в таинственном лесу,
Где сосны, да кусты, да глина,
А солнце серебрит росу.

А в холод, в поле незнакомом,
От ветра кроясь за стеклом,
Смотреть, как вихрь над буреломом
Бросает новый бурелом.

Иль ночью, в дерзостном разбеге,
Прорезывая мглу полей,
Без мысли об ином ночлеге,
Дремать под трепет фонарей!

Скользя, как метеор, деревней,
Миг жизни видеть невзначай,
И встречным прогудеть напевней,
Чем голос девушки: „Прощай"!

И, смелые виражи в поле
Срезая, вновь взлетать на склон,
И вновь гудеть, и жить на воле
Кентавром сказочных времен!

1917.

СНЕЖНАЯ РОССИЯ.

За полем снежным—поле снежное.
Безмерно—белые луга;
Везде—молчанье неизбежное,
Снега, снега, снега, снега!

Деревни кое-где расставлены,
Как пятна в безднах белизны:
Дома сугробами задавлены,
Плетни под снегом не видны.

Леса вдали чернеют, голые,—
Ветвей запутанная сеть.
Лишь ветер песни невеселые
В них, иней вея, смеет петь.

Змеится путь, в снегах затерянный:
По белизне—две борозды...
Лошадка рысью неуверенной,
Новит чуть-зримые следы.

Но скрылись санки—словно, белая,
Их поглотила пустота;
И вновь равнина опустелая
Нема, беззвучна и чиста.

И лишь вороны, стаей бдительной,
Порой над пустотой кружат,
Да вечером, в тиши томительной,
Горит оранжевый закат.

Огни лимонно-апельсинные
На небе бледно-голубом
Дрожат... Но быстро тени длинные
Закутывают все кругом.

1917

ЛУННАЯ НОЧЬ.

—Банально, как лунная ночь...
Juvenilia.

Смотрю, дыша травой и мятой,
Как стали тени туч белей,
Как льется свет, чуть синеватый,
В лиловый мрак ночных полей.

Закат погас в бесцветной вспышке,
И, прежде алый, шар луны,
Как бледный страж небесной вышки,
Стоит, лучом лелея сны.

Былинки живы свежим блеском,
Лес ожил и живет ручей,
Бросая искры каждым всплеском,—
Змей, лента водяных лучей.

Час волшебством мечты пропитан,—
Луга, деревья, воздух, даль...
Сердца томит он, мысль пьянит он:
Везде—восторг, во всем—печаль!

И, лунной ночи полня чары
Вливает песню в тишь ветвей
Банальный гимн, как зов гитары!
Друг всех влюбленных, соловей.

1917.

СОЛНЦЕВОРОТ.

Была зима; лежали плотно
Снега над взрытостью полей.
Над зыбкой глубиной болотной
Скользили, выводя изгибы,
Полозья ровные саней.

Была зима; и спали рыбы
Под твердым, неподвижным льдом.
И даже вихри не смогли бы,
В зерне замерзшем и холодном,
Жизнь пробудить своим бичом!

Час пробил. Чудом очередным
Сквозь смерть о мае вспомнил год.
Над миром белым и бесплодным
Шепнул какой-то нежный голос:
Опять пришел солнцеворот!

И под землею, зерна, чуя
Грядущей жизни благодать,
Очнулись, нежась и тоскуя,
И вновь готов безвестный колос:
Расти, цвести и умирать!

1917.

ТУСКЛАЯ КАРТИНКА.

Посв. Е. А. Сырейщиковой.

Под небом тускло-синеватым,
Ограждена зеленым скатом
С узором белых павелик,
Река колеблет еле—внятно
По синеве стальные пятна
И зыби цвета „электрик".
Обрывки серых туч осели
К вершинам изумрудных елей.
И загнутым плащам листвы;
А, ближе, ветер—обессилен
И слабо реет вдоль извилин
Болотно-матовой травы.
Черты дороги—чуть заметны.
Но к ним, как веер многоцветный,
Примкнули кругозоры нив:
Желтеет рожь, красна гречиха,
Как сталь овес, и льется тихо
Льна синеватого разлив.

БЛАГОВЕСТЬ ВЕСЕННЕГО УТРА.

Утро. Душа умиленно
Благовесть солнечный слышит,
Звона весенних лучей.
Все отвечает созвонно:
Липы, что ветер колышет,
Луг, что ромашками вышит,
Звучно—журчащий ручей...
Воздух отзвучьями дышит
Где-то стучащих мечей.
Гулко зовя богомольца,
Звоны со звонами спорят.
Солнце гудит, как набат
В травах бренчат колокольца,
Им колокольчики вторят,
Тучки, что небо узорят,
В сто бубенцов говорят.
Зов звонари то ускорят,
То, замедляя, звонят.
Солнце всходит все выше.
Ярче, ясней полновестней,
Голос наставшего дня.
Гулы набата все тише,
Бой перезвонов чудесней:
Скрыты серебряной песней
Медные гуди огня.
Небо взывает: „воскресни".
Миру лазурью звеня.

АПРЕЛЬСКИЙ ХМЕЛЬ.

Лиловые тени легли по последнему снегу,
Журча по наклонам сбежали ручьями сугробы,
Развеял по воздуху вечер истому и негу,
Апрель над зимой торжествует без гнева и злобы.
Апрель! Но вокруг все объято предчувствием мая,
И ночь обещает быть ясной и теплой и звездной...
Ах, тысячи юношей, нежно подругу сжимая,
Свой взор наклоняют теперь над обманчивой бездной.
Весна их пьянит, как пьянила и в глубях столетий,
В жестокие темные годы пещерного века,
Когда первобытные люди играли, как дети,
И мамонт бродячий был грозным врагом человека.
Быть может, вот здесь, где длинеют лиловые тени,
Наш пращур суровый, в любовном восторженном хмеле,
На тающий снег преклоняя нагие колени,
К возлюбленной девушке ник, в тихий вечер, в апреле!
Вот солнце краснеет, скользя за черту кругозора,
Под ласковым ветром дрожат заалевшие ветки...
Вы, девы и юноши! май нас обрадует скоро:
Дышите весной, как дышали далекие предки.

26 апреля 1919.

ВЕСНЯНКА.

Лишь на севере мы ценим
Весь восторг весны,—
Вешней неги не обменим
На иные сны.

После долгой ночи зимней
Нежен вешний день,
Ткани мглы гостеприимней
Растилает тень.

Там, где землю крыл по склонам
Одноцветный снег,
Жжет глаза в лесу зеленом
Молодой побег!

В душу к нам глядит подснежник
Взором голубым;
Даже, старый хлам, валежник
Кажется живым!

Мы весной живем как дети,
Словно бредим вслух;
В свежих красках, в ясном свете
Оживает дух!

Каждый маю стал союзник
И врагом зимы,
Каждый счастлив, словно узник
Выйдя из тюрьмы!

1918.

ПЕРЕД МАЕМ.

Под землей, под слоем снега,
Верит сонное зерно,
Что весной воде, с разбега,
Разбудить поля дано;

Что расветной песней птицы
Снова станут славить лес;
И, в ночной игре, зарницы
Раскрывать узор небес;

Что зеленых трав изгибы
Запах мяты разольют,
И, хвостом виляя, рыбы
Заколышат ближний пруд!

Спит зерно, и грезит маем.
В мертвой мгле и в тишине...
Разве так же мы не знаем,
Что зима ведет к весне?

Так чего ж еще нам надо,—
Если всех любовно ждет
Майских радостей награда
За тоску и белый гнет!

Как не может ночь печалить,
Будь она черна, долга,
Если утром нежно жалить
Должен алый луч снега.

Зерна верят. Будем верить
Златоцветным днем и мы.
И к чему бесплодно мерить
Сроки ночи и зимы.

Пусть во мраке,—ты ли, я ли,—
Но дождется кто-то дня:
Все мы видели, все знали
Шар свободного огня!

Трепет жизни, жажда воли
Им незримо в нас влита.
В миг конца не все равно ли
Май иль майская мечта!

ТРОПИЧЕСКАЯ НОЧЬ.

В снежной мгле угрюмы вопли вьюги
Всем сулят с проклятьем час возмездий...
Та же ль ночь, в иных краях, на юге,
Вся дрожит, надев убор созвездий.
Там лучистым сферам дружно вторя,
Снизу воды белым блеском светят;
Легкой тенью режа фосфор моря.
Челны след чертой огнистой метят.
Жарким ветром с пальм уснувших веет,
Свежей дрожью с далей водных тянет...
В звездных снах душа мечтать не смеет,
Мыслей нет, но ум чудесно зиннят,
Вот—летят, сверкнув как пламя, рыбы,
Вот—всплеск весел пылью искр осыпан;
Берег—ярок, в искрах—все изгибы,
Ясный мрак игрой лучей пропитан.
В небе, в море, в сердце—всюду вспышки,
Мир—в огне не жгучем жив; воочью
Люди чудо видят... Там, в излишке
Счастья, смерть—желанна этой ночью.
Челн застыл, горя в волшебном круге;
Южный Крест царит в ряду созвездий...
Чу! вблизи глухие вопли вьюги,
Всем сулят, с проклятьем, час возмездий.

НОЧЬ.

Пришла и мир отгородила
Завесой черной от меня,
Зажгла небесные кадила,
Вновь начала богослуженье,
И мирно разрешился в пенье
Гул обессиленного дня.

Стою во храмине безмерной,
Под звездным куполом, один,—
И все, что было достоверно,
Развеяно во мгле простора,
Под звуки неземного хора,
Под светом неземных глубин.

Пусть Ночь поет: пусть мировые
Вершатся тайны предо мной:
Пусть благостной евхаристии
Торжественные миги минут;
Пусть царские врата задвинут
Все той же черной пеленой.

Причастник, прежней жизни косной
Я буду ждать, преображен...
А, сдвинув полог переносный,
Ночь—бездну жизни обнаружит,
И вот уже обедню служит,
Во мраке для других племен.

1916.

III. Единое счастье—работа!

РАБОТА.

Единое счастье—работа.
В полях, за станком, за столом:
Работа до жаркого пота,
Работа без лишнего счета,—
Часы за упорным трудом!

Иди неуклонно за плугом,
Расчитывай взмахи косы,
Клонись к лошадиным подпругам,
Доколь не заблешут над лугом
Алмазы вечерней росы!

На фабрике в шуме стозвонном
Машин и колес, и ремней,
Заполни с лицом непреклонным,
Свой день, в череду миллионном
Рабочих, преемственных дней!

Иль—согнут над белой страницей,—
Что сердце диктует, пиши:
Пусть небо зажжется денницей,—
Всю ночь выводи вереницей,—
Заветные мысли души!

Посеянный хлеб разойдется
По миру; с гудящих станков
Поток животворный польется;
Печатная мысль отзовется
Во глуби бессчетных умов.

Работай. Незримо, чудесно
Работа, как сев, прорастет.
Что станет с плодами,—безвестно,
Но благостно, влагой небесной,
Труд всякий падет на народ.

Великая радость,—работа,
В полях, за станком, за столом!
Работай до жаркого пота,
Работай без лишнего счета,
Все счастье земли—за трудом.

1917.

ПОКА ЕСТЬ НЕБО.

Пока есть небо, будь доволен!
Пока есть море, счастлив будь!
Пока простор полей раздолен,
Мир славить песней не забудь!

Пока есть горы, те, что к небу
Возносят лик над пеньем струй,
Восторга высшего не требуй
И радость жизни торжествуй!

В лазури облака белеют
Иль туча темная плывет;
И зыби то челнок лелеют;
То клонят мощный пакебот;

И небеса по серым скатам
То золотом зари горят,
То блещут пурпурным закатом
И лед вершинный багрянят;

Под ветром зыблемые нивы
Бесчетных отсветов полны,
И знают дивные отливы
Снега под отблеском луны.

Везде—торжественно и чудно,
Везде—сиянья красоты,
Весной стоцветно-изумрудной,
Зимой, в раздольях пустоты;

Как в поле, в городе мятежном
Все те же краски без числа,
Струятся с высоты, что нежным
Лучем ласкает купола;

А вечером еще чудесней
Даль улиц, в блеске фонарей.
Все—зовы грез, все—зовы к песне:
Лишь видеть и мечтать—умей.

1917.

ПУСТЬ ПРЕД ОКНОМ МОИМ...

Пусть пред окном моим не взносит
Юнгфрау купол вековой,
И знаю, что закат не бросит
Змей на лагуны предо мной;
Пусть нынче с гóндол не окликнут
Меня коварно, и в уют,
Где над палаткой пальмы никнут,
Под вечер не помчит верблюд;
Деревья чахлого бульвара
Да стены строгие домов—
Вот сумрачно немые чары
Всех наших дней, всех наших снов.
Но также пламенны закаты,
И то же золото зари.
Там, где домами дали сжаты
И встали строем фонари;
И пляска радужных пылинок
В луне, все та же—у окна;
И белые рои снежинок
Все так же серебрит луна;
Причудливо ползут туманы
Вдоль улиц, и ночная мгла
То множит странные обманы
То, летом, призрачно бела.
Торжественно река струится,
Стучась в столицах о гранит,
И мир созвездий в ней глядится,
Храня величественный вид.
Над площадями поли величий
Колоколов ночной псалом,
А утром, в сквере, голос птичий
Так бодро-весел за окном.

1917.

ГОЛОС ИНЫХ МИРОВ.

Пусть мучит жизнь, и день, что прожит,
Отзвучьем горьких дум тревожит,
И думу скорбь коварно гложет;—
Взгляни в ночные небеса,
Где пала звездная роса,
Где млечный путь, как полоса,
Пролег и свет на светы множит;
Вглядись покорно в чудеса,—
И вечность нежно уничтожит
В тебе земные голоса,
Бессонной памяти положит
Повязку мрака на глаза;
Застынет, не упав, слеза,
И миг в безбрежном изнеможет.

Целит священная безбрежность
Всю боль, всю алчность, всю мятежность,
Смиряя властно безнадежность
Мечтой иного бытия!
Ночь, тайн созданья не тая,
Бессчетных звезд лучи струя,
Гласит, что с нами рядом—смежность
Других миров, что там—края,
Где тоже есть любовь и нежность,
И смерть и жизнь,—кто знает, чья?
Что небо—только порубежность
Планетных сфер, даль—колея,
Что сонмы солнц и наше „я“
Влечет в пространстве—Неизбежность!

МОЛИТЕСЬ.

Молитесь о праздничных розах,
О лилиях чистых молитесь,
О реющих летом стрекозах,
О призраках, виденных в грезах
О всем бесполезном—молитесь!

Да высшая милость не минет
Прекрасных видений природы!
Любовь к Красоте да не стынет!
Да будет приветливо принят
Мечтатель под стягом свободы!

Есть тайная ценность в ненужных
Мечтах, и цветах и святынях,
И души, без тучек жемчужных,
Вес песни потоков содружных,
Завянут, как пальмы в пустынях!

Нет! мало свободы и братства,
И таинства счастья—так зыбки!
Во храме творит святотатство,
Кто губит земное богатство,—
Мечту, Красоту и Улыбки!

Чу! Вихрь в налетающих грозах,
Что день, нам гудит: «Берегитесь!»
Погибнут стрекозы на лозах...
Молитесь о пламенных розах,
О лилиях белых—молитесь!

1917.

IV. Образы святые.

БИБЛИЯ.

О, книга книг! Кто не изведал,
В своей изменчивой судьбе,
Как ты целишь того, кто предал
Свой утомленный дух—тебе!

В чреде видений неизменных,
Как совершенна и чиста
Твоих страниц проникновенных
Младенческаа простота!

Не меркнут образы святые,
Однажды вызваны тобой:
Пред Евой—искушенье змия,
С голубокой возвращенной—Ной!

Все, в страшный час, в горах, застыли
Отец и сын, костер сложив;
Жив облик женственной Рахили,
Израиль-богоборец—жив!

И кто, житейское отбросив,
Не плакал, в детстве, прочитав,
Как братьев обнимал Иосиф
На высоте честей и слав!

Кто проникал, не пламенея,
Веков таинственную даль,
Познав сиянье Моисея,
С горы несущего скрижаль!

Резец и карандаш, и кисти,
И струны, и певучий стих—
Еще светлей еще лучистей
Творят ряд образов твоих.

Какой поэт, какой художник
К тебе не приходил, любя?
Еврей, христианин, безбожник,
Все, все учились у тебя!

И сколько мыслей гениальных
С тобой невидимо слиты:
Сквозь блеск твоих страниц кристальных
Нам светят гениев мечты.

Ты вечно новой, век за веком,
За годом год, за мигом миг,
Встаешь,—алтарь пред человеком,
О Библия! о, книга книг!

Ты—правда тайны сокровенной,
Ты откровенье, ты—завет,
Всевышним данный всей вселенной
Для прошлых и грядущих лет!

1918.

ТРИ ЯБЛОКА.

Три яблока, излюбленных преданьем,
Три символа земного мятежа,
В саду веков, воссозданном сознаньем,
Они горят, под ветром гроз дрожа.

Ты, яблоко губительное Евы
Ты вырвало из глаз Эдемский свет
На нас обрушил божеские гневы,
Но было то восстанье на запрет

Другое—яблоко Вильгельма Теля,-
Свободы весть промчало над землей,
Одной стрелой в родного сына целя,
Стрелок в тиранов метился другой.

А третье—третье яблоко Ньютона,
Оно упало в час своей поры,
И понял ум незыблемость закона
Что движет землю, небо и миры.

То третье яблоко вернуло рай нам,
Сравняло всех, владыку и раба,
Открыло нам дорогу к вечным тайнам,
Чтобы не страшила больше и Судьба.

ЗОЛОТОЙ ОЛЕНЬ.

(Золотой олень на эбеновой подставке, китайская статуэтка XIV в. до Р. Х. из собрания И. С. Остроухова).

Кем этот призрак заколдован?
Кто задержал на веки тень?
Стоит и смотрит очарован.
В зубах сжав веточку, олень.

С какой изысканностью согнут
Его уверенный хребет!
И ноги тонкие не дрогнут,
Незримый оставляя след.

Летят века в безумной смене...
Но, вдохновительной мечтой,
На черно-блещущем эбене
Зверь неподвижен золотой.

Золотошерстый, златорогий,
Во рту с побегом золотым,
Он гордо говорит: „Не трогай
Того, что сделалось святым!"

„Здесь—истина тысячилетий,
Народов избранных восторг.
Лишь вы могли, земные дети,
Святыню ввергнуть на торг".

„Я жду: вращеньем не случайным,
Мой, давний, возвратится день,—
И вам дорогу к вечным тайнам
Укажет золотой олень!"

1916.

АРИАДНА.

1. Жалоба Федры.

Ариадна! Ариадна!
Ты кого я на песке,
Где-то, в бездне беспощадной
Моря, бросил вдалеке.

Златоокая царевна.
Ты, кто мне вручила нить,
Чтобы путь во тьме бездневной
Лабиринта различить.

Дочь угрюмого Миноса!
Ты, кто, ночью, во дворце
Подошла светловолосой
Тенью, с тайной на лице!

Дева мудрая и жрица
Мне неведомых богов,
В царстве вражьем, чья столица
На меня ковала ков!

И—возлюбленная! тело
Мне представшее вполне,
В час, когда ладья летела
По зыбям, с волны к волне!

Где ты? С кем ты? Что сказала,
Видя пенную корму,
Что, качаясь, прорезала
Заревую полутьму?

Что подумала о друге,
Кто тебя, тобой спасен,
Предал—плата за услуги!—
Обманул твой мирный сон?

Стала ль ты добычей зверя
Иль змеей уязвлена,—
Страшной истине не верю.
Но поверить ей должна?

Ты клянешь или кличешь [illegible],
Жалко кудри теребя?
Или,—горькая удача!
Принял бог [illegible] тебя?

Ах! ждала ль тебя могила,
Иль обжег тебя венец,—
За тебя судьба отмстила:
В море сгинул мой отец!

Я с подругой нелюбимой
Дни влачу, но—реешь ты
Возле ложа, еле зримый
Призрак, в глубях темноты!

Мне покорствуют Афины;
Но отдать я был бы рад
Эту власть—за твой единый
Поцелуй иль нежный взгляд.

Победитель Минотавра,
Славен я! Но мой висок
Осребрен: под сенью лавра
Жизнь я бросил на песок!

Бросил, дерзкий! и изменой
За спасенье заплатил...
Белый остров, белой пеной
Ты ль мне кудри убелил!

1917

2. Аридна

Во дворце Афинском, скорбно мрачен.
Спит Фессей и видит вещий сон:
В тени вод белеет Накс; прозрачен
Воздух ночи; в звездах небосклон.

В страхе, встретя вкруг песок прибрежий.
Чуть привстав, царевна смотрит вниз;
А над ней, прекрасен, светел,—свежий
Хмель меж кудрей,—юный Дионис.

Буйным сонмом попирая зелень.
Тигров холя, тирсы лентой свив,
Фавны, нимфы, люди виноделен,
Ждут царя назад, в тени олив.

Он же, страстью вдруг обезоружен,
Раб восторга, к деве клонит лик...
Вот схватил ее венец жемчужин.
„Ты—небес достойна!" слышен вскрик.

В небо вскинут, вспыхнул,—семизвездье—
Там венец. Бог с девой слит. Полна
Ночь их славой.—Горькое возмездье
Пьет Фессей во сне, и молит сна!

В годину бед, когда народной вере
Рок слишком много ставит испытаний,
В безмерном зале мировых преданий
Проходят призраки былых империй,
Как ряд картин на световом экране.

По Нилу мчится барка Сына Солнца;
До неба всходят башни Вавилона;
Перс возвещает землям волю с трона:—
Но дерзко рушат рати Македонца
Престол Царя Царей и Фараона.

Выходят римляне, сурово-строги
Под стук мечей куется их держава,
И кесарских орлов не меркнет слава.
Бегут в пустынях римские дороги,
Народы рабствуют в оковах права.

Пирует Рим, льет вина, множит яства...
Вдруг варвары, как буря, злы и дики,
Спадают с гор, крушат все в яром крике.
И, вновь пленен мечтой миродержавства,
Свой трон в руинах ставит Карл Великий.

Потом самумом пролетают в мире
Арабы, славя свой коран; монголы
Несметным сонмом топчут вись и долы...
Над царством царства вырастают шире...
Сверкает Бонапарта меч тяжелый...

Но, жив и волен, из глухих крушений
Выходит строй народов грозно-длинный.
Евреи, эллины, германцы, финны,
Славяне, персы, италийцы,—тени,
Восставшие, чтоб спеть свой гимн старинный.

О сколько царств, сжимавших мир! Природа
Глядит с улыбкой на державства эти:
Нет не цари—ее родные дети.
Пусть гибнут троны, только б дух народа,
Как феникс, ожил на костре столетий!

V. Это все—кошмар!

КОШМАР.

Есть в мире демон, с женственным лицом,
С ногтями львицы, с телом сухопарым.
Садится к спящим он, согнут кольцом,
На грудь, и мы—зовем его Кошмаром.
Он давит нас, и вот, в тяжелом сне,
Черед видений сумрачных проходит;
Дыханье стеснено, чело в огне,
И судорога тщетно пальцы сводит.
Нам грезится ужасных ликов ряд:
Смеются дьяволы над всем заветным,
Терзают близких, алтари скверняг
И стонам вторят хохотом ответным.
Нельзя бороться и бежать нет сил:
Оковы на ногах и руки в путах,
Повсюду вскрыты пропасти могил...
Блестят из мглы орудья пыток лютых...
И вдруг мы вспомним: это все—кошмар!
Рукой свободной призраков коснемся...
Все сгинет вмиг, исчезнут страхи чар,
И мы, дрожа от радости,—проснемся!

1916.

ЗАТРАВЛЕННЫЙ ЗВЕРЬ.

Олень затравленный напрасно взор молящий
Обводит вкруг, дыша прерывно—смерть везде:
Собаки рвутся вслед, сверкают ружья в чаще...
И зверь, ища пути, бросается к воде.

Плывет, глотая пар, а сзади слышит глухо
Лай, крики, зов рогов; пес беспощадный, вновь
Врага догнав, ему вонзает зубы в ухо...
Окрасив зыбь реки, струей стекает кровь.

А лес кругом стоит роскошен, как бывало,
Меж камней и кореп, журча бежит ручей;
Круг солнечный, горя торжественно и ало
Сквозь изумруд ветвей кидает свои лучей.

Слабея, смотрит зверь вверх, в небеса, откуда
Лилось тепло, и дождь, и свежесть вешних бурь;
Защита с высоты не явится ли? Чудо
Не совершится ль?—Нет! Пуста, нема лазурь.

И стону слабому уже не вторит эхо...
Сквозь радугу слезы так странны берега...
Но всюду—воющих собак, гром криков, гулы смеха
И кровь все поют охотничьи рога!

НА ТЕМНОЙ ДОРОГЕ.

Он догнал ее ночью на темной дороге.
Были оба безмолвны, и оба — одни.
Только старые ветлы, недвижны и строги,
Как свидетели боя стали вдали.

И она защищалась, боролась упрямо,
Отбивалась, кусалась, царапалась в кровь.
Наконец, поскользнулась, и темная яма
Приняла двух упавших, прикрыла любовь.

Там на дне этой ямы, заброшенной, волчьей,
Продолжалась во мраке борьба — враг к врагу;
Долго девушка билась, озлобленно, молча,
Пригибалась, кривлялась, сжималась в дугу.

И когда обессилив, она ослабла
И была в его власти — без воли, без сил,
Был не в силах ласкать он простертое тело,—
И руками, с проклятьем, его оскорбил!

И осталось на дне отуманенной ямы
Тело девушки, словно алмазы в узле.
Он же, с кровью на пальцах, упорный, упрямый,—
Вышел вновь на дорогу и скрылся во мгле.

БИБЛИОТЕКИ.

Власть, времени сильней, затаена
В рядах страниц, на полках библиотек:
Пылая факелом во мгле, она,
Порой язвит, как ядовитый дротик.

В былых столетьях, чей-то ум зажег
Сверканье,—и оно доныне светит!
Иль жилы тетивы напрячь возмог,—
И в ту же цель стрела поныне метит!

Мы дышим светом отжитых веков,
Вскрывающих пред нами даль дороги
Повсюду отблеск вдохновенных слов—
То солнце дня, то месяц сереброгий!

Но нам дороже золотой колчан
Певучих стрел, завещанной в страницах.
Оружие для всех времен и стран,
На всех путях, на всех земных границах

Во мгле, куда суд жизни не достиг,
Где тени лжи извилисты и зыбки,—
Там дротик мстительный бессмертных книг,
Веками изощрен, бьет без ошибки.

1917

СНЕЖНЫЙ ПРИЗРАК.

Темно-мятежный
Сдержанный трепет
Руки нам свяжет;
Радостной дрожью
Губы нам сцепит;
Заповедь Божью
Вкрадчивой-нежный
Внутренний лепет
Тайно доскажет;
В дали безбрежной
Слитою с ложью
Правду покажет;
Образы снежной
Статуей—слепит,—
И, безнадежный,
Дух наш к подножью
Призрака ляжет!

НА УТРО ПОСЛЕ ШАБАША

Чу! под окошком звенят колокольчики,
Белые, синие разных оправ;
Листья ольхи завиваются в кольчики,
Запахи веют с обрызганных трав.

Солнце ко мне проникает приветливо
Длинным лучем, между ставень, сквозь щель;
Где то гудит, осторожно и сметливо,
К сладким цветам подлетающий шмель;

Все так знакомо... И песня не новая
Сладко ласкает: „Ты дома, дитя!"
То напевает мне печь изразцовая,
Вторят ей стены, смеясь и шутя.

В теле истома. Я — дома! Давно ли я
Дерзко плясала, раздета, в кругу!
...В душу вползает опять меланхолия,
Нет! жизнью мирной я жить не могу!

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ

Меж лун искуственных—луна,
Вися на небе, в перспективе,
Взымается, робка, бледна
И с каждым мигом боязливей.

Внизу как буйственный бурун
Прибой людей и экипажей,
И наглое блистанье лун
Вдоль улиц выставленных стражей;

Таксованных прелестниц сих,
Сухое грассованье франтов,
Бой неимоверных мех,
И перебои шляп и бантов;

В гостиницах белеет ряд
Оконниц,— комнаты, где двое
Пародию любви творят,
Пороча таинство ночное.,,

А там, вверху, несмелых взгляд
Чуть-чуть зубчатый свет—белеет;
Туман, как туника невест,
Кой-где разорванная, веет,

И та ж безмолвная луна,
Свидетельница жертв Ашере,
Висит, глядя, робка, бледна,
На буйства в осквернённом сквере!

1917.

ДАМА ТРЕФ.

Я знаю, что вы—старомодны,
Давно и не девочка вы.
Вы разбросили кудри свободно
Вдоль лица и вкруг головы.
Нашел бы придирчивый критик,
Что напрасно вы - в епанче,
Что смешон округленный щитик
У вас на правом плече,
Что, быть может, слишком румяны
Краски у вас на губах и щеке,
И что сорван просто с поляны
Цветок в вашей правой руке.
Со скиптром и странной державой,
Ваш муж слишком стар и сед,
А смотрит слишком лукаво
На вас с алебардой валет.
Но зато вы—царица ночи,
Ваша масть—чернее, чем тьма,
И ваши подведенные очи
Любовь рисовала сама.
Вы вздыхать умеете сладко,
Приникая к подушке вдвоем,
И готовы явиться украдкой,
Едва попрошу я о том.
Чего нам ещё ждать от дамы?
Не довольно ль быть милой на миг?
Ах, часто суровы, упорны, упрямы
Дамы черв, бубен и пик!
Не вздыхать же долгие годы
У ног неприступных дев!
И я из целой колоды
Люблю только даму треф.

1917

ПЕРЕД ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ ЛАМПОЙ.

Злобный змей, зигзагом длинным
Разрезавший темень туч,
Чтоб, гремя, в лесу пустынном
Иль на склоне горных круч,—

Ветви, поднятые дубом,
Серным пламенем зажечь
И, лизуя, дымным клубом,—
Смертным саваном,—облечь;

Змей, сносивший с неба древле
Прометеев дар земле!
Что таишь ты, стыд ли, гнев ли,
Ныне замкнутый в стекле?

Сгибы проволоки тонкой
Раскалять покорно там,
Подчинясь руке ребенка
Осужден—в угоду нам.

И, струя лучи из шара,
Ветром зыблем над толпой,
Скрывшей ленту тротуара,
Пестрой, шумной и тупой,—

Чем ты занят? И ль, в причуде
Смутны грезы, веришь ты,
Что вокруг--все те же люди,
Те же гулы суеты;

Что, как прежде было, сыты
Мясом мамонта, тебя
Славят пляской троглодиты
Дико космы теребя

В злобных лицах, в серых [illegible]
Ты узнать бы ныне мог
Те же сонмы, для которых
Ты в былом [illegible], [illegible]

Те [illegible] [illegible] [illegible],
И теперь, [illegible] в [illegible],
Мыслишь ты: „Не на позор ли
Злобу я [illegible] [illegible] раб?"

И, без сил, [illegible] на угли
[illegible] [illegible] — зигзаг
В себе помнишь ты, нам друг ли
Иль горящий местью враг.

1918

ГОРОД СЕСТЕР ЛЮБВИ

Видение.

> Сестры, нежные сестры! В детстве вам клялся навеки.
>
> „Все наповы".

Неспешным, ровным шагом,
По кочкам, по оврагам,
Зигзаги за зигзагом,
Иду, в мечтах пою.
Внимая скрытым сагам;
Березы, пышным стягом,
Спешат пред вещим магом
Склонить главу свою.

Играет ветер свежий
Вдоль зыбких побережий,
Где брошенные мрежи
И верши—часа ждут;
Но в грезах—страны те же,
Где бродит дух все реже;
Чертоги, вышки, вежи,—
Сестер Любви приют.

Кто видел этот пестрый
Кремль,—арки, своды, ростры,—
Где вязь: «Amicae nostrae»?
В дверь тайника влечет?
Нотрдамы, Калиостры,
Да те, чей разум острый,
Ласкать любили Сестры,
Кому являли вход!

Жду вожделенной встречи
Чу! с башни слышны речи.
Во храмах блещут свечи...
Но миг—фантом исчез.
И вновь тропой овечей
Зигзагами поречий,
Иду вдоль синей греч
Под пустотой небес!

1916.

НА ЗАКАТНОМ ПОЛЕ.

Красным закатом забрызгано поле;
Дождь из оранжевых точек в глазах;
Призрак, огнистый и пестрый до боли,
Пляшет и машет мечами в руках.

Тише! закрой утомленные веки!
Чу! зажурчали певуче струи...
Катятся к морю огромные реки,
В темных ложбинах не молкнут ручьи.

В пьяной прохладе вечернего сада
Девушка никнет на мрамор плечом...
Плачет? мечтает?—не знаю! не надо
Ведать: о ком! догадаться: о чем!

Было, иль будет,—мечта просияла,
В строфы виденье навек вплетено...
Словно, до дна, из кристалла фиала
Выпито сердцем густое вино.

Взоры открою: закатное поле,
Призрак огнистый с мечами в руках.
Солнце—багряно... Но ясен до боли
Девичий образ в усталых глазах.

1916.

VI. Маленькие дети.

ДЕТСКАЯ ПЛОЩАДКА.

В ярком летнем свете,
В сквере, в цветнике,
Маленькие дети
Возятся в песке:

Гречники готовят,
Катят колесо,
Неумело ловят
Палочкой серсо;

Говорят, смеются,
Плачут невпопад,—
В хоровод сплетутся,
Выстроятся в ряд;

Все, во всем,—беспечны,
И, в пылу игры,
Все— добросердечны,.
Ах! лишь до поры!

Сколько лет им, спросим,
Редкий даст ответ:
Тем лет пять, тем восемь,
Старше в круге нет.

Но, как знать быть может,
Здесь в кругу детей,—
Тот кто потревожит
Мглу грядущих дней,—

Будущий воитель,
Будущий мудрец.
Прав благовеститель,
Тайновед сердец;

Иль преступник некий,
Имя чье потом
Будет жить во веки
Облито стыдом...

Скрыты в шуме круга
Оба, может быть,
И, сейчас, друг друга
Погнались ловить,

И смеясь затеям,
Вот несется вскач
С будущим злодеем
Будущий палач!

Маленькие дети.
В этот летний час
Вся судьба столетий
Зиждится на вас!

1918.

ПРАЗДНИКИ

Ждать в детстве воскресенья,
Дня Пасхи, Рождества,
Дня именин, рожденья
Иль, просто, торжества,—
Какое восхищенье,
Когда вся жизнь—нова!

Зажгут в сочельник елку,
Мы раньше вечером
Ее подсмотрим в щелку,
И в масках мы потом
Запляшем, втихомолку
Пугая целый дом!

И будем мы, при бое
Часов, под Новый Год,
Записывать простое
Желанье в свой черед..
За то нам ангел вдвое
Подарков принесет!

На масляной неделе
Кататься мы должны!
И утром чуть с постели
Вопрос: когда ж блины?
А голосом свирели,
Поют ручьи весны.

Под Пасху мать заставит
Нам волоса подстричь.
Но праздник все поправит
Ах! пасха! ах! кулич!
Пусть вечером случится,
Катя яйцо.—Лучше!

Но не довольно ль, впрочем,
И именин простых
Мы по утру бормочим
Свой именинный стих,
А целый день хохочем
Среди друзей своих!

И даже день воскресный,
Когда уроков нет,—
Сияет как чудесный,
Небесный чистый свет.
Так после влаги пресной
Солдат вином согрет.

Вы, праздники меж будней,—
Как звезды в груде страз.
Чем рок был многотрудней,
Тем слаще вспомнит нас,—
Рубинней, изумрудней,
Алмазней, чем алмаз.

1918.

ДЕТСКАЯ СПЕВКА

На веселой спевочке
В роще, у реки,
Мальчик и две девочки
Говорят стихи.

Это — поздравленье
Бабушке: она
Завтра день рожденья
Праздновать должна.

Мальчик запевалою
Начинает так:
„Нашу лепту малую,
Преданности в знак..."

И сестренка вдумчиво
Оглашают лес,
Вторя: „Детский ум чего
Просит у небес"...

Песенка нескладная
Стоит им труда...
А вблизи, прохладная,
Катится вода.

Рядом — ели острые,
Белизна берез;
Над цветами — пестрые
Крылышки стрекоз.

Реют однодневочки,
Бабочки весны.
Мальчик и две девочки,
Ах, как им смешны!

1918

КОЛЫБЕЛЬНАЯ.

Спи, мой мальчик! Птицы спят;
Накормили львицы львят;
Прислонясь к дубам, заснули
В роще робкие косули;
Дремлют рыбы под водой;
Почивает сом седой.
Только волки, только совы
По ночам гулять готовы,
Рыщут, ищут, где украсть,
Разевают клюв и пасть.
Зажжена у нас лампадка.
Спи, мой мальчик, мирно, сладко,
Спи, как рыбы, птицы, львы,
Как жучки в кустах травы,
Как в берлогах, норах, гнездах
Звери, легшие на роздых...
Вой волков и крики сов,
Не тревожьте детских снов!

1919.

VII. Сонеты.

МИГИ.

Бывают миги тягостных раздумий,
Когда душа скорбит, утомлена;
И в книжных тайнах, и в житейском шуме,
Уже не слышит нового она.

И кажется, что выпит мной до дна
Весь кубок счастья, горя и безумий.
Но, как Эгерия являлась Нуме,—
Мне нимфа предстает светла, ясна.

Моей мечты созданье, в эти миги
Она—живей чем люди и чем книги,
Ея слова доносятся ясней.

И шепчет мне она: „Роптать позорно:
Пусть эта жизнь подобна бездне черной:
Есть жизнь иная в вечной вышине!"

1917

НАРЯД ВЕСНЫ.

За годом год, ряды тысячилетий,—
Нет! неисчетных миллионов лет,
Май воскрешая луговины эти,
Их убирает в травянистый цвет.

Пытливцы видят на иной планете,
Что шар земной в зеленый блеск одет;
Быть может в гимне там поет поэт:
„Как жизнь чудесна в изумрудном свете!"

Лишь наш привычный взор, угрюм и туп,
Обходит равнодушно зелень куп
И свежесть нив под возрожденной новью;

Наряд весны, мы свыклись в мире с ним;
И изумруд весенних трав багрим,
Во имя призрака, горячей кровью!

1918.

НА ПОЛУСТАНКЕ.

Гремя, прошел экспресс. У светлых окон
Мелькнули шарфы, пледы, пижама;
Там—резкий блеск пенсне, там черный—локон.
Там нежный женский лик, мечта сама!

Лишь дым—за поездом: в снега увлек он
Огни и образы; вкруг—снова тьма...
Блестя в морозной мгле, уже далек он.
А здесь—безлюдье, холод, ночь—нема.

Лишь тень одна стоит на полустанке
Под фонарем; вперен, должно быть, взгляд
Во тьму, но грусть—в безжизненной осанке!

Жить. Для чего?—Встречать товарных ряд,
Читать роман, где действует Агнесса,
Да снова ждать живых огней экспресса?

1917.

МАКСИМУ ГОРЬКОМУ В ИЮЛЕ 1917 ГОДА.

В * * громили памятник Пушкина: в ** артисты отказались играть «На дне».
(Газетное сообщение 1917 г.)

Не в первый раз мы наблюдаем это:
В толпе опять безумный шум возник,
И вот она, подъемля буйный крик,
Заносит руку на кумир поэта.

Но неизменно в новых бурях света,
Его спокойный и прекрасный лик;
На вопль детей он не дает ответа,
Задумчив и божественно велик.

И тот же шум вокруг твоих созданий,—
В толпе забывшей гром рукоплесканий,
С каким она лелеяла „На дне".

И также образы любимой драмы,
Бессмертные, величественно прямы,
Стоят над нами в ясной вышине.

17 июля 1917 г.

БЕГЛЕЦЫ

Стон роковой прошел по Риму: „Канны!"
Там консул пал и войска лучший цвет
Полег; в руках врагов — весь юг пространный;
Итти на Город им — преграды нет.

У кораблей под гнетом горьких бед,
В отчаяньи, в успех не веря бранный,
Народ шумит: искать обетованный
Край за морем — готов, судьбе в ответ.

Но Публий Сципион и Аппий Клавдий
Вдруг предстают, гласят о высшей правде,
О славе тех, кто за отчизну пал.

Смутясь внимают беглецы укорам,
И с палуб сходят... Это — час, которым
Был побежден надменный Ганнибал!

LIBRARY
JUL
12
1976
UNIV. TORONTO

MEMENTO MORI.

Импровизация в кафе „Десятая Муза" 14 мая 1918 г.

Ища забав, быть может, сатана
Является порой у нас в столице:
Одет изысканно, цветок в петлице;
Рубин в булавке, грудь надушена.

И улица шумит пред ним, пьяна;
Трамваи мчатся длинной вереницей.
По ней читает он, как по странице
Открытой книги, что вся жизнь гнусна.

Но встретится, в толпе шумливо-тесной,
Он с девушкой, наивной и прелестной,
В чьих взорах ярко светится любовь.

И вспыхнет гнев у дьявола во взоре,
И, исчезая из столицы вновь,
Прошепчет он одно: Memento mori!

14 мая 1918.

039924/325

ДЕРЖАНИЕ:

	Стр.		
От автора	3	Три яблока	
В горнем свете	5	Золотой олень	
Пророчество весны	6	Жалоба Фессея	
При свете луны	7	Ариадна	
Ожерелье дней	8	Мировой кинематог	
Ученик Арфея	9	Кошмар	
Сорок пятый раз	10	Затравленный звер	
О себе самом	11	На темной дороге	
Гребень волны	12	Библиотеки	
Зов автомобиля	13	Снежный призрак	
Снежная Россия	14	На утро после шаб	
Лунная ночь	15	Из наблюдений	
Солнцеворот	16	Дама треф	
Гусклая картина	17	Перед электрическо	
Благовест весеннего утра	18	Город сестер любви	
Апрельский хмель	19	На закатном поле	
Веснянка	20	Детская площадка	
Перед маем	21	Праздники	
Тропическая ночь	23	Детская спевка	
Ночь	24	Колыбельная	
Работа	25	Миги	
Пока есть небо	27	Наряд весны	
Пусть пред окном моим	28	На полустанке	
Голос иных миров	29	Максиму Горькому	
Молитесь	30	Беглецы	
Библия	31	Memento Mori	

Д 74/75

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PG
3453
B7P6

Briusov, Valerii IAkovlevich
Poslednie mechty

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 13 08 06 04 027 5